

ВОСПОМИНАНИЯ ПОЛИНЫ АННЕНКОВОЙ

С ПРИЛОЖЕНИЕМ ВОСПОМИНАНИЙ ЕЕ ДОЧЕРИ
О. И. ИВАНОВОЙ
И МАТЕРИАЛОВ ИЗ
АРХИВА АННЕНКОВЫХ

*С ПРЕДИСЛОВИЕМ И ПРИМЕЧАНИЯМИ
С. ГЕССЕНА и АН. ПРЕДТЕЧЕНСКОГО*

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА
ПО ПИТКАТОРЖАН И СЕЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ
МОСКВА — 1937

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Новое издание воспоминаний Анненковой подверглось значительным изменениям и дополнениям. Те и другие коснулись преимущественно научного аппарата, сопровождающего мемуарное наследие Анненковых, т. е. вступительной статьи и комментариев. Новые материалы и исследования о декабристах, опубликованные после выхода первого издания, побудили редакторов к перестройке вступительной статьи, выразившейся в постановке ряда новых проблем и в заострении внимания на социально-экономических вопросах. Комментарии, сопутствующие воспоминания, и письма Анненковых пополнены извлечениями из новейших публикаций. Кроме того, в интересах удобства пользования примечаниями, редакторы нашли полезным все персональные справки перенести в именной указатель.

Что касается самого мемуарного, частно-эпистолярного и документального фонда, объединенного в первом издании, то он, повидимому, в значительной мере, исчерпывает наследие Анненковых. По крайней мере, новые поиски, предпринятые в этом направлении, не привели к сколько-нибудь значительным результатам. Собрание писем И. А. Анненкова пополнено двумя новыми интересными образцами — письмом к матери и жене от 1828 г. и письмом к жене уже после амнистии. Раздел «Документов» дополнен формулярным списком Анненкова от 1873 года.

Письмо Анненкова от 1828 г. любезно сообщено нам Г. М. Котляровым.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Происхождение воспоминаний Полины Анненковой не совсем обыкновенно. В 1861 г., когда Анненковы жили в Н.-Новгороде, у них часто бывал М. И. Семевский, будущий редактор и издатель «Русской Старины». Заслушиваясь увлекательными рассказами Анненковой, Семевский уговорил ее записать свои воспоминания. Анненкова писала не сама, она рассказывала и притом на своем родном языке, по-французски, а ее дочь, О. И. Иванова, записывала за нею по слуху переводя на русский язык. Так сложились воспоминания жены декабриста. В композиционном отношении они не представляли единого, стройного целого, а состояли из отдельных эпизодов, отдельных фрагментов, не всегда даже связанных хронологической канвой.

Анненкова рассказывала по мере того как память ее воскрешала давно минувшие события. Часто в разгаре повествования она вспоминала о каком-нибудь другом эпизоде, совсем не идущем к делу. И тогда среди текста являлась лаконичная запись: «О собачке Ком», или: «Еще случай о сентенции», или: «Не забыть о Лунине». Это — рассказчица завязывала узелок на память с тем, чтобы впоследствии не забыть вернуться к данному эпизоду. К сожалению, много подобных узелков так и остались не развязанными. В тексте печатаемых воспоминаний все такие отметки, сделанные на полях рукописи, отнесены в подстрочные примечания.

Та копия, с которой воспоминания были напечатаны М. И. Семевским на страницах «Русской Старины» в 1888 г., повидимому, не сохранилась. По крайней мере, в Пушкинском Доме, в собрании «Русской Старины» ее

не имеется. Но в Пушкинском Доме, в собрании бумаг Анненковых (принесенных в дар их внучкой Е. К. Гагариной) имеются те самые черновики, которые писались О. И. Ивановой под диктовку Анненковой.

При подготовке текста воспоминаний к печати О. И. Ивановой были сделаны довольно значительные сокращения. Прежде всего, опущены были все немногие замечания, носящие политический оттенок. Затем исключены были многие подробности, набрасывающие тень на родственников Анненковых. Кроме того, О. И. Иванова по неизвестным соображениям выпустила ряд эпизодов и мелких замечаний, носящих вполне невинный характер, но имеющих несомненный интерес. В таком виде воспоминания Анненковой были напечатаны в «Русской Старине» за 1888 г., а оттуда, с соблюдением максимальной небрежности, перепечатаны в 1915 г. отдельной книгой в изд-ве «Прометей» (ср. рецензии: Г. Ю[нке]р, «Исторический Вестник», 1915, VI, стр. 1004—1005; К. Сивков, «Голос Минувшего», 1915, VI, стр. 283—284; Борис Садовский, «Северные Записки», 1915, IV, стр. 230). В настоящем издании все пропуски вставлены на свои места, причем в интересах сохранения цельности первопечатного текста они заключены в квадратные скобки. В целях удобочитаемости пунктуация подверглась изменениям. Подзаголовки глав составлены редакторами.

В рукописи оказалась и еще одна, последняя, дотоле неизвестная глава воспоминаний, посвященная переезду Анненковой из Читы в Петровский завод, впервые печатающаяся здесь.

Прямым продолжением воспоминаний Анненковой являются воспоминания ее дочери О. И. Ивановой, рукопись которой передана в Пушкинский Дом Е. К. Гагариной. Эти воспоминания, только теперь впервые появляющиеся в печати, крайне интересны, благодаря мастерским характеристикам некоторых декабристов и новому документальному материалу, относящемуся к жизни декабристов на поселении. К сожалению, воспоминания О. И. Ивановой, так же как и воспоминания ее матери, оборвались на полупhrase, охватив в своем повествовании пребывание Анненковых в Петровском заводе и в Бельске. В этот момент жизнь Ан-

ненковых находилась на ущербе. С переездом в Туринск, в 1838 г., потом в Тобольск и наконец в Европейскую Россию, трагизм их судьбы заметно разрежается. Этому последнему периоду их жизни в Нижнем-Новгороде посвящены записанные редакторами настоящего издания рассказы внучки Анненковых Е. К. Гагариной, и документы, извлеченные из принадлежащего ей семейного архива. Те и другие легли в основу заключительного очерка, представляющего третью часть настоящей книги.

Материал, вошедший в приложения, извлечен как из того же семейного архива, так и из государственных архивохранилищ Ленинграда (Пушкинского Дома, Государственной публичной библиотеки, Библиотеки Академии Наук) и, в незначительной части, из печатной литературы о декабристах.

В работе нашей над подготовкой настоящего издания мы встретили деятельнейшую помощь со стороны внучки Анненковых Елены Константиновны Гагариной, которая своими рассказами, указаниями и любезным предоставлением в наше пользование семейного архива чрезвычайно много содействовала возможной полноте книги. Выражаем ей свою искреннюю признательность.

Настоящая работа была выполнена нами по поручению и при содействии Секции по изучению декабристов и их времени при Ленинградском Отделении Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев.

Следует особо отметить неизменное содействие и помощь в нашей работе товарища председателя Секции Юлиана Григорьевича Оксмана.

Переводы французских текстов выполнены при любезном участии О. К. Богданович и Л. Л. Домгера.

ПОЛИНА АННЕНКОВА И ЕЕ ВОСПОМИНАНИЯ

1

Воспоминания Анненковой впервые были напечатаны в ту пору, когда память о декабристах далеко еще не совсем преодолела николаевский запрет, и всякое новое слово о них подхватывалось с напряженным интересом. Почетное звание жены декабриста само по себе обеспечивало автору этой книги сочувственное внимание. И сейчас живые страницы этой книги оказываются не менее увлекательными, нежели сорок с лишним лет назад, но только теперь они звучат для нас по-новому и по-иному интересны.

Критика, с большим сочувствием встретившая в свое время воспоминания Анненковой, не могла скрыть некоторого разочарования. В печати отмечалось, что мемуары «интересны благодаря самой личности Анненковой и ярким картинам частной жизни того времени», но что «для истории декабристов они дают весьма мало нового» *. В самом деле, очень легко было притти к заключению, что для изучения истории заговора, для знакомства с социально-политической сущностью декабризма воспоминания Анненковой не дают материала. Читатель напрасно стал бы искать в них отражения интересов автора хотя бы к основным проблемам декабристского движения. В мемуарах почти отсутствуют следы того, что автор почти всю жизнь прошел о бок с теми, чьи имена связаны с первой в истории Рос-

* «Русская Мысль», 1888, IV, стр. 213—214.

сии попыткой революционного переворота. В отношении Анненковой к декабристам, сквозь искреннее теплое чувство, сквозит некоторая снисходительность, как к людям, пострадавшим за свои молодые, смелые, но малообдуманные замыслы. Туманное представление о русском деспотизме являлось для нее единственным оправданием их дерзновенной попытки. На само дело декабристов она всегда смотрела сквозь призму своей любви к Анненкову, слишком сильной для того, чтобы разглядеть за ней хотя бы слабые контуры идеи, приведшей к организации тайных обществ. «...Из разговоров их (товарищей мужа. Р е д.) я узнала наконец, что все они участвовали в каком-то заговоре. Это, конечно, меня сильно встревожило и озаботило, и заставило опасаться за жизнь любимого мною человека...» Так писала жена будущего декабриста, сообщившего ей, что он является участником политического заговора. Она не проявила никакого интереса к самому заговору, никакого желания узнать хоть что-либо о нем, и единственной ее реакцией явилась тревога за мужа. Такое же отсутствие стремления понять самый смысл выступления декабристов обнаружила Анненкова и в Сибири. В той части мемуаров, которые рисуют сибирскую жизнь Анненковых, она остается верной себе в упорном нежелании разобраться в причинах, приведших ее мужа на каторгу. Тем менее занимали ее эти вопросы после возвращения в Россию, когда все испытания и горести остались позади.

Но, вопреки всему этому, пессимизм критика «Русской Мысли» оказывается недостаточно обоснованным. Что Анненкова — талантливая бытописательница, в этом нет сомнения. Острый взгляд, живое воображение, несомненное литературное дарование позволили ей нарисовать ряд превосходных подробностей русского аристократического быта начала XIX в. и сибирской жизни. Зарисовка фигур Анны Ивановны Анненковой, Николая Николаевича Анненкова, некоторые детали портретов Николая I и его приближенных выполнены мастерски. Блестящие штрихи заключаются в характеристике сибирских жителей, тюремного начальства, жен декабристов. Масса вообще инте-

ресных бытовых подробностей нашли свое отражение в записках. Если к этому прибавить, что мемуаристка увлекательно рассказала о своем романе с Анненковым, действительно необыкновенном по своим перипетиям, то все это уже оправдывает популярность ее записок.

Все это, однако, не дает права утверждать, что для истории декабристов воспоминания Анненковой не дают ничего нового. Самое молчание ее представляется чрезвычайно многоговорящим. Если Анненкова на протяжении всех своих воспоминаний нигде и ничем не обнаружила понимания того, какого большого дела она была свидетельницей, то причину этого следует искать в условиях ее жизни до приезда в Россию и в той социальной среде, в которую ввел ее Анненков.

Родители будущей жены декабриста, урожденной Полины Гебль, принадлежавшие к старинным дворянским фамилиям Франции, воспитывали ее в строго консервативном духе. Убежденные роялисты, они с ненавистью отнеслись к революции, ожидая и твердо веря, что повергнутый трон французских королей будет восстановлен. Рассказами об «ужасах» революции, о «несчастной семье несчастного Людовика» было наполнено ее детство. Мать Полины, видимо, не скупилась на краски, и, конечно, сумела поселить в девочке отвращение к революции на всю жизнь.

Первые собственные впечатления Гебль прошли в обстановке, подготавливавшей вступление на престол Наполеона. Восторженное отношение к новому «идолу», как она его называет, преклонение перед волей и гением Наполеона, которым была пропитана вся атмосфера военного лагеря, где провела свое детство Полина, наложили некоторый отпечаток на ее мирозерцание. Романтическое представление о Наполеоне, как о герое, сумевшем положить предел «анархии», было весьма свойственно части дворянской молодежи Франции, не принадлежавшей к самым богатым и аристократическим кругам королевства. Она лучше своих родителей понимала, что революция перевернула страницу истории, что полного возврата к старому быть не может, и смотрела на первого консула, как на человека, который,

покончив с крайностями революции, откроет новую, блестящую эпоху истории Франции. Этим политическим романтизмом прониклась и Полина Гебль во время консульства и империи. Следы его не совсем стерлись в сознании Анненковой даже в ее старческие годы: на страницах записок, посвященных Наполеону, сквозит ее явное сочувствие к нему.

Реставрация Бурбонов не принесла ничего хорошего семье Полины. Мать ее, как вдова наполеоновского офицера, лишилась пенсии, и семья стала испытывать острую нужду. Пришлось начать работать. Рукоделия, продавая которые Полина Гебль зарабатывала на «мелочные расходы», превратились в основной источник средств существования. Такое превращение далось Полине, как и всей ее семье, видимо, не без труда. «Мы с сестрою принялись работать, — пишет она, — но при всех наших желаниях не могли зарабатывать достаточно, чтобы существовать так, как уже привыкли. Особенно мать, прежде очень избалованная, не могла без страдания отказываться от своих привычек». Еще труднее стало Полине, когда она переехала в Париж и поступила в модный магазин Моно. «Тут только я почувствовала, — признается она, — всю горечь моего нового положения, очутившись между людьми мне незнакомыми, совершенно чужими, к тому же мало образованными. Их привычки, образ мыслей, обхождение — все меня шокировало, и много стоило мне слез и усилий, чтобы сломить себя и привыкнуть к ним...» Ремесленники мастерской Моно после аристократических друзей детства и юности — контраст слишком сильный для того, чтобы к этому можно было бы отнестись легко. И Гебль, видимо, так и не удалось совершенно акклиматизироваться в своей новой трудовой семье. Нет сомнения, что работа у Моно послужила ей впоследствии большую службу, воспитав в ней привычку к труду, умение жить, полагаясь только на самое себя (в Сибири эти качества весьма ейгодились). Но отсюда еще очень далеко до того, чтобы Гебль могла переродиться, чтобы следы ее аристократического воспитания были окончательно вытравлены. В записках она не обмолвилась ни словом симпатии или сочувствия к своим